

ПИСЬМА О РУССКОЙ ПОЭЗИИ

"Аполлонъ", No 4, 1909

[OCR Бычков М. Н.](#)

Евгеній Геркенъ. Лирическія стихотворенія. Казань. 1909, ц. 60 к.

Николай Катанскій. Созвѣздіе лиры. СПб. 1910, ц. 75 к.

Викторъ Гофманъ. Искусъ. СПб. 1910. Изд. тва Вольфъ, ц. 75 к.

Изъ Мюссе и Верлена. Перев. Зинаиды Ц., ц. 75 к.

Начнемъ съ младшаго; мы не имѣемъ удовольствія знать ни г. Геркена, ни г. Катанскаго такъ-же, какъ и г-жи Ц., но стоитъ просмотрѣть ихъ сборники, чтобы установить градацію ихъ возраста -- поэтического. Стихи г. Геркена въ большинствѣ случаевъ -- лепетъ, неловкій, дѣтски-беспомощный, но не безъ намека на прелесть угловатыхъ движеній подростка. Стихъ невыдержанъ, цезуры и рифмы часто хромають, замѣтно вліяніе Бальмонта, нѣкоторыя строчки звучатъ смѣшно, напр.:

"Пью за счастье любви,
За восторгъ мгновенья,
Пламенность огня въ крови,
Дерзновенность страсти и
Прелесть вдохновенья".

Но вдругъ, будто помимо воли автора, выходятъ хорошія и простыя строчки, своею простотою могущія заставить завидовать любого, болѣе совершеннаго, поэта. Напр.:

"Пусть -- ядъ въ сосудѣ драгоцѣнномъ,
Устамъ твоимъ благословеннымъ
Съ безумной вѣрой пріобщусь!"

или:

"Но я одинъ... Лишь ты, тоска, со мной,
Опять со мной до новаго обмана".

И притомъ какой то добрый геній подсказываетъ молодому поэту ставить эти удачныя строчки именно въ концѣ стихотвореній, завершать ими пьесы. Можетъ быть, это -- духъ прадѣда поэта, Евг. Абр. Баратынскаго, памяти котораго посвящена книга и родственная связь съ которымъ болѣе, чѣмъ само творчество, внушаетъ намъ надежду и, можетъ быть, нѣкоторое пристрастіе.

Г. Катанскій, вѣроятно, уже значительно старше г-на Геркена и хочетъ писать "настоящіе стихи", стихи, какъ у всѣхъ. Къ сожалѣнію, онъ достигаетъ этой цѣли, столь опрометчиво поставленной; онъ пишетъ гладкія, не беззвучныя строчки, гдѣ слышится то В. Брюсовъ, то Н. Гумилевъ, то (и чаще всего) С. Кречетовъ. Почти каждое слово влечетъ за собою неизбѣжный эпитетъ, готовыя клише такъ и пестрятъ, не сообразуясь нисколько съ умѣстностью, такъ что иногда получаются довольно странныя сочетанія:

"Къ нему бѣжали Іудеи...
Лились ихъ рѣчи, какъ потокъ.
Съ чела кудрей волнистыхъ змѣи
Сгоняль душистый вѣтерокъ".

Въ книгѣ встрѣтимъ и Петронія, и Лазаря, и Роланда, и Индъ, и Тамаринъ (не тамарискъ-ли?), но лица автора, его голоса -- пока нѣтъ. Можетъ быть, онъ думаетъ, что оригинальность придетъ потомъ, какъ "аппетитъ во время ѣды?" Будущее покажетъ.